

Экономический анализ терроризма

Автор: Ю. В. ЛАТОВ

Среди различных видов преступности терроризм занимает особое и парадоксальное место¹. Прямые потери от него невелики - погибших от рук террористов на несколько порядков меньше, например, числа жертв автоаварий. Однако террористические преступления воспринимаются как опаснейшая угроза обществу, дестабилизируя его общественно-политическую и экономическую жизнь.

Если первоначально терроризм был объектом изучения только криминологов и политологов, то к настоящему времени к его анализу подключились представители буквально всех общественных наук. Для выработки эффективных путей противодействия террору большое значение имеет экономический анализ терроризма как одно из направлений экономического анализа преступной и правоохранительной деятельности. Хотя в зарубежной научной литературе это научное направление развивается уже несколько десятилетий², в России оно пока практически не известно³, хотя актуальность этого анализа очень велика.

Главная проблема экономического анализа терроризма - экономическое объяснение причин его возникновения и развития. Это позволит "подрубить" его корни, а потому уменьшить уже существующую социальную базу террористов или предотвратить ее

¹ Под терроризмом в данной статье понимается, в соответствии со сложившейся традицией, использование экстраординарного насилия, чтобы добиться какой-либо политической цели при помощи запугивания общества (см., например, [Sandler, Enders, 2004, p. 302]). Такому определению не противоречит и обыденное понимание, когда террористами называют лиц, применяющих в в политической борьбе насилие против гражданских лиц (массовые убийства, взятие заложников и др.). Эта трактовка исключает из анализа "мафиозный" терроризм, связанный с деятельностью организованной преступности.

² Первым исследованием по экономике терроризма следует считать статью американского экономиста-криминолога В. Ландеса [Landes, 1978]. Впрочем, активная разработка этой проблематики началась лишь после событий 11 сентября 2001 г.

³ Первыми и пока единственными монографическими исследованиями отечественных экономистов по экономике терроризма следует считать [Степанова, 2005; Жаворонков... 2005]. Научно-популярных публикаций уже довольно много [Воронов, 2002; Бальский, 2004]. Характерно, что авторы первых в России монографий по экономике терроризма анализировали в основном материалы о терроризме за рубежом. Развитие отечественных исследований по данной теме затруднено из-за высокой степени закрытости информации об экономических аспектах терроризма в России. Это заметно, например, по работе А. Погорельского, который впервые в российской научной литературе дал комплексное описание экономических аспектов "бизнеса вокруг террора" на Северном Кавказе, но использовал исключительно логические и общеполитические выкладки [Погорельский, 2006].

Латов Юрий Валерьевич - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД РФ.

возникновение. Разновидностью изучения причин терроризма является анализ источников его финансирования. Перекрытие каналов финансирования терроризма позволит эффективно бороться с ним, минимизируя чисто силовые действия. Попробую дать обзор основных вопросов экономики терроризма как в позитивном, так и в нормативном аспекте⁴.

Человеческий фактор терроризма

В экономическом анализе причин развития терроризма можно выделить два основных подхода - геоэкономический и национально-ориентированный. Первый рассматривает современный терроризм как порождение мирового хозяйства в целом, второй, напротив, основной акцент делает на социально-экономических особенностях отдельных стран, способствующих развитию в них терроризма.

Терроризм как порождение конкуренции в современной мир-системе (геоэкономический подход).

Политический терроризм стал устойчивым фоном мировой истории с 1970-х гг., превратившись из эпизодических событий в постоянный фактор жизни почти всех регионов планеты. Знаковыми событиями считаются убийство израильских спортсменов палестинскими террористами на Мюнхенской олимпиаде 1972 г. и убийство "красными бригадами" экс-премьер-министра Италии А. Моро в 1978 г. Тогда полагали, что главная причина развития терроризма - мировое противоборство капиталистического и коммунистического лагерей в Третьей мировой ("холодной") войне. По существу, он считался аналогом партизанских действий. Каждый из противоборствующих лагерей, осуждая "чужих" террористов, поддерживал (гласно или негласно) "своих". Впрочем, уже в 1980-е гг. начал бурно расти внеидеологический "исламский" терроризм (Хизболла сформировался в 1982 г., ХАМАС - в 1987 г.), но его можно было считать исключением из правил.

Когда в начале 1990-х гг. "холодная" война завершилась, ожидалось, что и терроризм как метод политической борьбы также пойдет на спад. Ожидания не совсем оправдались. С одной стороны, в развитых странах террористы свою деятельность значительно умерили: в Италии, Германии и Японии леворадикальный терроризм, в Ирландии и Испании националистический терроризм постепенно перестали восприниматься как реальная угроза национальной безопасности. С другой стороны, резко возросла активность террористов из "третьего мира" (Ближний Восток, Колумбия, Цейлон), руководствующихся чаще всего не светско-идеологическими, а националистическими или религиозными ценностями⁵. Террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, ответственность за который взяла на себя исламистская Аль-Каида (образована в 1990 г.), называют началом Четвертой мировой (террористической) войны, хотя фактически она началась десятилетием раньше⁶.

Если сравнить Третью и Четвертую мировые войны, то общее количество терактов, скорее, сократилось (см. рис. 1), но количество жертв террора заметно возросло (см. рис. 2). Самое главное, качественно возросло их влияние на политическую и экономическую жизнь мирового сообщества. Если ранее терроризм считался проблемой лишь отдельных стран, то в 1990-х гг. его стали называть в числе глобальных проблем современности, которые касаются всех (или большинства) стран мира и решаться могут тоже

У экономического анализа терроризма, помимо анализа его причин, есть еще один важный аспект - анализ экономических последствий терроризма. В рамках данной статьи этот аспект затрагиваться не будет.

⁵ По некоторым оценкам, в 2002 г. на лево- и правозкстремистские группировки приходилось примерно 36% всех терактов, в то время как на одних только исламских террористов - 56% [Степанова, 2005, с. 246].

⁶ Знаковым событием рождения "самостоятельного" терроризма, не связанного с логикой противоборства сверхдержав, надо считать убийство "Братьями-мусульманами" египетского президента А. Садата 6 октября 1981 г.

Рис. 1. Динамика количества актов международного терроризма в конце 1960-х - начале 2000-х гг. [Anderton, Cross, 2004].

Рис. 2. Динамика количества жертв (убитых и раненых) актов международного терроризма в конце 1960-х - начале 2000-х гг. [Anderton, Cross, 2004].

только объединенными усилиями мирового сообщества. Именно тогда родилось понятие "международный терроризм".

Каковы же причины обострения проблемы терроризма?

Завершение Третьей мировой войны было воспринято на Западе как "конец истории", как полная победа в мировом масштабе западной либеральной цивилизации в ее американской разновидности. Если ранее, в полицентричном мире, периферийные и полупериферийные страны "третьего мира" могли надеяться на сохранение своей цивилизационной самостоятельности, лавируя между двумя противоборствующими "лагерями", то теперь возможности для такого маневрирования исчезли. В результате "третий мир" стал еще болезненнее переживать свою экономическую отсталость и еще активнее противодействовать насаждению западных ценностей.

Вместо "конца истории" по Ф. Фукуяме наступила эпоха "столкновения цивилизаций" по С. Хантингтону, прежде всего Запада с мусульманской цивилизацией. Наиболее антизападной цивилизацией в современном мире является именно цивилизация ислама. Она, в отличие от конфуцианской, индо-буддийской и иберийской цивилизаций, не имеет экономически и политически сильных стран-лидеров, способных возглавить оппозицию Западу. Поэтому вполне закономерно, что именно исламский терроризм - "партизанское" сопротивление ислама с Западом - фактически стал синонимом "международного терроризма".

К тому же внешние ограничители терроризма резко ослабли. В эпоху Третьей мировой войны противоборствующие сверхдержавы не только тайно подпитывали ресурсами "своих" террористов, но и следили, чтобы их действия не нарушали негласные "пра-

вила игры". Лишившись внешних контролеров, ставшие самостоятельными террористические организации начали декларировать готовность использовать в своей борьбе любые возможности, вплоть до применения оружия массового уничтожения (что ранее было принципиально невозможно)⁷.

Итак, согласно геоэкологическому подходу, современный терроризм - одна из форм противоборства "бедного Юга" с "богатым Севером" (периферии и ядра современной мир-системы, в терминах И. Валлерстайна) - той глобальной проблемы современности, решение которой станет, очевидно, главным содержанием истории XXI в. Поскольку пока нет надежд ни на победу западных ценностей на Востоке, ни на осознание Западом бесплодности и вредности принудительной вестернизации стран догоняющего развития, то "антизападному" терроризму суждено еще долго оставаться на авансцене истории.

Россия причисляет себя к Западу, поэтому она тоже становится объектом исламистского терроризма. Парадокс в том, что Россия объективно относится к странам полупериферии, ее геоэкономические интересы ближе к интересам развивающихся стран Востока, чем к интересам развитых стран Запада. В результате антироссийский терроризм исламистов не сплачивает, а раскалывает противников абсолютного доминирования западноевропейской цивилизации.

Геоэкономический подход, рассматривающий терроризм как порождение не столько особенностей развития отдельной страны или цивилизации, сколько современной мир-системы в целом, допускает и конспирологическую интерпретацию. Речь идет о том, что, по мнению некоторых авторов, страны "ядра" отнюдь не потеряли контроль над террористическими группировками, но стали осуществлять его более тайно.

Фактом является то, что "международный терроризм" занял опустевшую было нишу "главного врага", в постоянной борьбе с которым объективно заинтересованы структуры ВПК разных стран. Кроме того, хотя "врагом N 1" исламские террористы считают США, наиболее болезненно последствия террористической деятельности ощущают периферийные (Иран, Ирак) и полупериферийные (Россия) государства, являющиеся оппонентами Америки. Именно под лозунгом борьбы с международным терроризмом США в 2000-е гг. расширили свою сферу влияния, осуществив в Ираке и Афганистане операции по свержению наиболее непримиримо-антиамериканских режимов. Эти несомненные факты становятся фундаментом для концепций, будто спецслужбы Запада продолжают тайно манипулировать террористами или даже сами организуют теракты от их имени (см., например, [Горяинов, 2005; Labevier, 1999]) с целью либо ослабления стран-противников (поддержка спецслужбами Запада чеченских террористов), либо создания искусственного спроса на "сильных политиков".

Однако такая конспирологическая интерпретация терроризма пока не подкреплена достоверными фактами и, возможно, ложна, хотя она логически допустима. Ведь в "столкновении цивилизаций" партизанские методы борьбы могут использоваться обеими сторонами. США сегодня - единственная сверхдержава планеты, но американская экономика постепенно снижает свое лидерство, а политические претензии США на роль мирового "полицейского" вызывают растущее недовольство даже у партнеров по НАТО. Поэтому не исключена возможность того, что современный терроризм превратился в тайное оружие "сильных" США против пока более "слабых", но потенциально опасных конкурентов.

В любом случае следует подчеркнуть, что внешние стимулы развития терроризма вряд ли самодостаточны и обычно дополняются внутренними социально-экономическими факторами развития той страны, где развивается деятельность террористических организаций.

⁷ Эконометрический анализ факторов, влияющих на количество жертв терактов, выявил, что распад социалистической системы (в 1991 г.) и рост исламского фундаментализма (после 1979 г.) дали значимый вклад в возрастание смертности от террора [Enders, Sandler, 2006].

Терроризм как порождение "провала" государства (национально-ориентированный подход). Уровень терроризма сильно различается в разных странах, даже если они принадлежат к одной цивилизации. Например, в настоящее время исламские террористические организации на Ближнем Востоке действуют активнее, чем в странах Магриба, а деятельность лево- и праворадикальных террористических организаций заметна в Колумбии и Мексике гораздо сильнее, чем в Аргентине и Чили. Поэтому мирохозяйственный анализ необходимо дополнять изучением национальных особенностей: выделить те факторы национального развития, которые способствуют развитию терроризма. Для этого можно использовать приемы криминометрики - экономико-математического анализа преступности.

Она ориентируется на впервые предложенную Г. Беккером модель рационального поведения любого правонарушителя: преступник ведет себя по существу так же, как и законопослушный гражданин, - стремится наиболее эффективно использовать имеющийся в его распоряжении человеческий и физический капитал. "Таким образом, решение стать преступником в принципе не отличается от решения стать каменщиком, или плотником, или, допустим, экономистом. Индивид рассматривает чистые затраты и выгоды каждой альтернативы и принимает на этой основе свое решение" [Rubin, 1980, p. 13]. С этих же позиций рационального индивидуализма экономисты-криминологи анализируют и терроризм.

Так, в "Политической экономии ненависти" Э. Глэйзер рассмотрел формирование стимулов и антистимулов для потенциальных террористов [Glaeser, 2005]. Предложение при таком подходе диктуется степенью ожесточенности политической конкуренции: терроризму способствуют гражданские войны и иные политические конфликты, умножающие число людей, обученных применять насилие. Спрос же определяется степенью контактов граждан данной страны с иностранцами (туристами, военными, гражданскими специалистами) или с какими-либо другими меньшинствами (например, евреями), против которых можно обратить террор, а также ресурсами влиятельных групп, которые получают выгоду от разжигания ненависти. Кроме того, в литературе часто высказываются суждения о прямом влиянии на уровень терроризма чисто экономических факторов, прежде всего уровня жизни и дифференциации доходов. При таком подходе терроризм рассматривается как протест против социальной несправедливости, порожденной бедностью. Такую трактовку легко подвергнуть криминометрической проверке.

Криминометрических исследований на межстрановых базах данных, посвященных количественной оценке детерминант терроризма, пока не очень много. Наиболее интересны здесь [Abadie, 2004; Freytag, Kruger, Schneider, 2006]. Проверив корреляцию опасности терактов для разных стран мира с социально-экономическими характеристиками этих стран (среднедушевой ВВП, доля мусульманского населения, коэффициент Джини и др.), эти исследователи пришли к схожим выводам. Во-первых, среднедушевые доходы и дифференциация доходов сильного влияния на уровень терроризма не оказывают (!). Во-вторых, значимыми оказались показатели политической свободы (у А. Абади) и открытости (у А. Фрайтага и др.), но эта зависимость не линейна: сначала с ростом политических свобод и открытости страны угроза терроризма растет, затем начинает снижаться (см. рис. 3). Абади делает отсюда вывод о неизбежности временного всплеска терроризма при переходе от авторитаризма к демократии (как это было в Испании 1980-х и в России 1990-х гг.).

Полученный результат можно интерпретировать как доказательство доминирования международно-политических детерминант терроризма над национально-экономическими. Открытость и политическая свобода создают возможность для проникновения в страну извне идеологии и организационных структур террористических организаций почти независимо от социальных и экономических факторов национального хозяйства. Лишь высокий уровень демократии уменьшает склонность граждан к насильственным мерам политического противоборства.

Иной подход к объяснению национальных факторов, способствующих развитию терроризма в отдельных странах, предлагают экономисты-неоинституционалисты. Так,

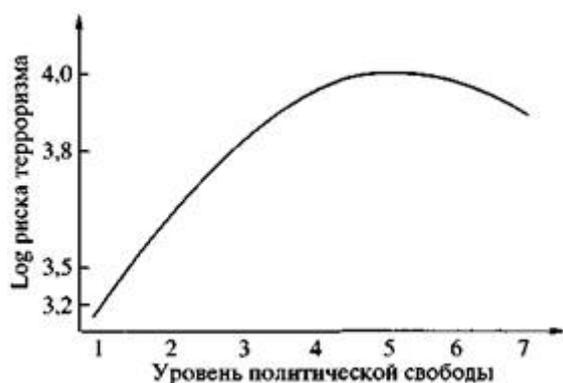

Рис. 3. Связь рисков терроризма с уровнем политической свободы по Абади (по горизонтали отложены варьирующиеся от 1 до 7 индексы по Freedom House's Political Rights Index - чем выше политическая свобода, тем выше индекс).

Э. де Сото полагает, что "меркантилистское государство" во многих развивающихся странах создало административные барьеры, которые практически отсекают небогатых граждан от предпринимательства. Поэтому небогатые люди чаще всего уходят в неформальный сектор экономики, но многие из них идут еще дальше - в политический террор. Если беднякам дать возможность легально заниматься мелким бизнесом, питательная база терроризма исчезнет [Сото, 1995]. Данная концепция интересна тем, что ее автор имел возможность на практике применить свои рекомендации. Когда в 1990-е гг. он стал экономическим советником президента А. Фухимори, тот начал "по науке" сочетать силовые удары по связанным с наркомафией леворадикальным террористам с закреплением прав собственности нескольких миллионов бедных крестьян и городских предпринимателей Перу [Soto, Abbott, 2002]. В результате если в 1980-е гг. Перу напоминала нашу Чечню 1990-х гг. (партизаны-террористы из организации "Светлый путь" контролировали значительные районы страны), то после реформ Фухимори страна почти перестала страдать от политического террора.

Таким образом, хотя современный терроризм - в основе своей геоэкономический феномен, на степень его развития в конкретной стране влияют и особенности национальных экономических моделей. Сильнее всего он развивается в "провалившихся" государствах (Ливан, Колумбия, Афганистан, современный Ирак, отчасти постсоветская Россия), где правительство не смогло (или не захотело) обеспечить основной массе населения базовые общественные блага (безопасность, защита прав собственности). Если мир-системная трактовка причин терроризма доказывает, что успешная антитеррористическая политика возможна только на международном уровне, то неоинституциональная трактовка показывает возможности, которыми располагают национальные правительства.

Выводы и рекомендации для России в выборе "кнута" и "пряника". Анализ экономических факторов формирования террористических движений позволяет сформулировать некоторые практические рекомендации для нашей страны. Если выбор "карьеры" террориста происходит по рациональным соображениям, то бороться с террором нужно путем увеличения издержек этого выбора - делать невыгодным переход от образа жизни обычного гражданина к образу жизни террориста.

Для экономического обоснования методов антитеррористической борьбы можно воспользоваться стандартной моделью экономической теории преступности, описывающей выбор потенциального правонарушителя:

$$R = (1 - p) \times S + p \times (S - D) = S - p \times D,$$

где R - чистая выгода от преступления, p - вероятность, что преступник будет пойман и наказан, S - величина выгоды преступника от удачного правонарушения, D - величина потерь преступника в результате его наказания.

Потенциальный правонарушитель (а таковым в рамках экономической теории преступности считается каждый гражданин) будет по рациональным соображениям отказываться нарушать закон, если чистая выгода будет отрицательной, то есть $S < p \times D$. Показатель S , в свою очередь, зависит от упущенных возможностей законопослушного поведения, если выбор преступной карьеры делает их недостижимыми. В таком случае для террориста

$$S = Willeg - Wleg,$$

где *Willeg* - "зарплата" от нелегальной деятельности, *Wleg* - упущенная "зарплата" от легальной деятельности⁸.

Выбор карьеры террориста невыгоден, если

$$Willeg - Wleg < p \times D, \text{ или } Willeg < p \times D + Wleg.$$

Параметр *Willeg* определяется материальными и моральными выгодами, которыми руководители террористических организаций привлекают/удерживают рядовых членов. Законная власть может влиять на этот параметр прежде всего путем борьбы с финансированием терактов. Однако в политическом терроре сильным субституту денег являются моральные выгоды (райское блаженство для погибших "воинов Аллаха", уважение окружающих при жизни и т.д.), на которые легальные власти повлиять не могут.

Наиболее доступны влиянию переменные, находящиеся в правой части уравнения - меры наказания (p и D) и меры отвращения (*Wleg*). При этом важно помнить, что люди реагируют не столько на реальные значения этих показателей, сколько на информацию о них. Так, акцентирование в СМИ сообщений о неудачах в антитеррористической борьбе становится "агитацией" за привлечение новых участников террора. И наоборот, частые и убедительные сообщения о гибели/аресте боевиков снижают привлекательность участия в терроре, даже если на самом деле вероятность и тяжесть наказаний террористов меняются незначительно.

В зарубежной литературе популярна точка зрения, согласно которой наиболее эффективный путь борьбы с терроризмом - предоставлять потенциальным или даже реальным террористам привлекательные возможности для законопослушной жизни. Данная позиция наиболее четко сформулирована в [Frey, 2004]. По мнению Б. Фрая, история борьбы с терроризмом показывает: чисто силовые методы, "кнут", в подавляющем большинстве случаев неэффективны; необходима альтернатива в виде использования "пряника". Он рекомендует следующие мероприятия, направленные на повышение скрытых издержек (издержек упущенных возможностей) участия в терроре:

- реинтеграция террористов в общество: создание у них ощущения принадлежности не только к "соратникам по оружию", но и к обществу в целом (например, путем вовлечения их в публичные дебаты), позволит им, как минимум, усомниться в непреложности избранного пути;

- поощрение раскаивающихся: смягчение наказаний либо даже полное освобождение от них, поддержка экс-террористов на начальных этапах мирной жизни;

- предоставление оппозиционерам ценимых в обществе возможностей в обмен на отказ от террористической деятельности (например, приглашение идеологов террора в ведущие европейские университеты, как это было с А. Негри - идеологом итальянских "красных бригад").

Критики позиции Фрая указывают, что последовательное применение идей экономической теории преступности должно вести не к выбору "кнут или пряник", а к одновременному использованию "кнута и пряника". Если предлагать "раскаившимся" террористам благоприятные возможности для легальной деятельности без какого-либо наказа-

Термин "зарплата" используется в данном случае в предельно общем значении, включая все получаемые индивидом выгоды (не только материальные, но и моральные).

ния, это скорее усилит приток террористов, чем уменьшит его. Ведь успешная карьера экс-террористов может создать представление об участии в терроре как ступеньке на пути повышения имиджа и благосостояния. Поэтому наряду с созданием условий для реинтеграции в общество бывших террористов необходимо применять силовое давление на действующих террористов. При этом следует помнить общий вывод исследователей экономики преступности, что степень неотвратимости наказания оказывает более сильный сдерживающий эффект, чем его величина.

Для проверки сравнительной эффективности двух типов антитеррористической политики, "кнута" и "пряника", российскими экономистами было проведено криминометрическое исследование на материалах статистики Израиля о жертвах антиизраильского террора в 1949 - 1992 гг. [Жаворонков... 2005]. В течение этого периода сменяющиеся правительства Израиля применяли как стратегию "зуб за зуб" (1949 - 1992 гг.), так и стратегию умиротворения палестинцев посредством уступок и экономической помощи (с 1993 г.). Общеизвестно, что в 2000-е гг. число жертв терактов в Израиле резко возросло; поэтому даже на уровне здравого смысла переход от силового противодействия террористам к уступкам кажется неэффективным. Помесячный анализ статистики показал, что с лагом в два месяца силовые операции против террористов приводили к сокращению жертв среди мирного населения, а мирные инициативы вели к увеличению жертв террора в следующем году.

Результаты этого криминометрического исследования авторы интерпретируют как доказательство того, что силовое давление на террористов - наиболее эффективный метод борьбы с террором на национальном уровне (по крайней мере, в кратко- и среднесрочном периоде). Хотя говорить о влиянии криминометрических исследований на правовое регулирование в России явно преждевременно, однако практические действия нашего правительства в последние годы определенно склоняются именно к доктрине жесткого силового давления. Можно вспомнить, например, закрепленные в Федеральном законе "О противодействии терроризму" (от 6 марта 2006 г.) "недопустимость политических уступок террористам" и даже возможность "пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами".

Оппоненты сторонников жестких мер могли бы, правда, возразить, что эти меры снижают терроризм, но принципиально не могут его ликвидировать. Напротив, стратегия уступок, хотя и провоцирует усиление оппозиционной деятельности, но в долгосрочной перспективе может полностью ликвидировать саму основу конфликта. Например, силовые действия Великобритании против ирландских националистов не могли уничтожить их подпольно-террористических организаций в течение двух столетий, а уступки англо-канадцев франко-канадцам Квебека привели к минимизации актов террора. К сожалению, пока исследований истории борьбы с терроризмом немного, поэтому эффекты очень длительного времени остаются "белым пятном".

Если попробовать подвести некие итоги анализа причин терроризма современными экономистами, то можно вывести четыре практические рекомендации. Во-первых, эффективная борьба с терроризмом принципиально не может вестись силами одного государства - она должна регулироваться на уровне современной мир-системы в целом. Во-вторых, даже на национальном уровне главным инструментом регулирования уровня терроризма в долгосрочном периоде является не деятельность ОВД, а социальная политика, регулирующая взаимоотношения различных этнических и конфессиональных групп, и внешнеполитическая стратегия правительства (в частности, степень "дружбы/У'вражды" с США и со странами ислама). В-третьих, на развитие терроризма влияют не только и не столько собственно антитеррористические мероприятия ОВД и органов безопасности, сколько общее движение к режиму "правления права", создающему благоприятные возможности для легальной самореализации граждан, отвращая их от участия в террористической деятельности. В-четвертых, необходимо не только применять силовые меры против членов террористических организаций, но и добиваться макси-

Рис. 4. Три финансовых источника и три составные части современного терроризма.

Рис. 5. Макротенденции изменения финансирования терроризма по Кайзеру.

мально "громкого" освещения их достижений в СМИ, чтобы оказать превентивное воздействие на потенциальных террористов.

Финансовый фактор террора

До сих пор речь шла о людских ресурсах террористических организаций - о том, под влиянием каких социально-экономических причин люди становятся террористами. Рассмотрим теперь другой экономический ресурс терроризма - финансовый.

Три составные части и три источника финансирования терроризма. Терроризм как стабильное явление невозможен без "энтузиазма" (равно - фанатизма), но он зиждется не только на "энтузиазме", но и на "хозрасчете". Для организации терактов и для стимулирования их освещения в СМИ нужны крупные финансовые затраты. Откуда таковые у заведомых политических аутсайдеров? У современного терроризма есть три финансовых источника (см. рис. 4). Соотношение финансовых источников менялось с течением времени. Как отмечает С. Кайзер, в 1990 - 2000-е гг. происходит своего рода "приватизация" террора - вытеснение спонсоров-государств спонсорами из числа благотворительных/неправительственных организаций и частных лиц (см. рис. 5) [Kiser, 2005]. Одновременно происходит диверсификация источников финансирования, когда "помощь" террористам поступает небольшими "порциями" из многих источников, в результате чего разрушать финансирование терроризма стало гораздо сложнее.

Традиционный источник финансов террора - помощь стран, использующих террористов в качестве инструментов для достижения своих целей, которые самим террористам могут быть неизвестными и даже совершенно чуждыми. Однако в современном мире этот источник постепенно отмирает. Государственный департамент США в начале 2000-х гг. составил "черный список", согласно которому в поддержке террористических

организаций участвуют такие государства, как Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Судан, КНДР и Куба (позже Ливия из этого списка ушла). Что касается КНДР и Кубы, то их помощь распространяется в основном на "левых" террористов, к тому же она невелика и отнюдь не бесспорна. Остальные страны-изгои относятся к миру ислама и, соответственно, поддерживают связи в основном с исламскими экстремистами и палестинскими группировками. Впрочем, поскольку всех террористов и страны-изгои объединяет антиамериканизм, нередки случаи взаимопомощи, нарушающие идеологические/этнические приоритеты (например, боевики ИРА проходили обучение в Ливане и сами работали инструкторами у "наркопартизан" Колумбии).

Особая проблема - финансовая помощь современным террористам со стороны спецслужб "сильных" стран. Несомненно, она осуществлялась во время Третьей мировой войны (можно вспомнить, например, скандал "Иран-контрас" 1986 г. по поводу тайных поставок оружия правым повстанческо-террористическим группировкам Никарагуа сотрудниками ЦРУ), но в современную эпоху надежных доказательств подобной помощи нет.

Более важный источник финансирования современных террористов - спонсорство частных лиц через посредничество разного рода землячеств, обществ гуманитарной помощи, религиозных организаций и т.д. Знаковой фигурой в этом отношении является У. бен Ладен - миллионер из Саудовской Аравии (его семья имеет деловые связи с семьей американских президентов Бушей), начинавший как спонсор антисоветских афганских моджахедов, а затем сам возглавивший террор. В результате возникает парадоксальная картина: Саудовская Аравия - союзник США, но многие ее граждане спонсируют исламский терроризм (конспирологи этот факт интерпретируют как доказательство марионеточного характера исламского террора). Пожертвования частных спонсоров и благотворительных/неправительственных организаций подпитывают почти исключительно религиозные и националистические террористические группировки.

Однако в современном мире терроризм все менее нуждается в финансовой помощи извне и все более переходит на самоснабжение. Речь идет о втягивании террористических организаций в бурно растущие международные криминальные промыслы - наркобизнес, контрабанда полезных ископаемых и т.д. Террористические организации во многом подобны мафии - нелегалы, обладают силовыми ресурсами, построены на конспирации и личном доверии. Поэтому они успешно внедряются в криминальные промыслы, типичные для организованной преступности. Террористы Латинской Америки тесно связаны с кокаиновым трафиком, террористы Азии - с героиновым, повстанческие группировки Западной Африки - с контрабандой алмазов. В результате внедрения в мафиозные криминальные промыслы терроризм приобретает черты "обычной" мафии. Постепенно борьба "за идею" частично или полностью вытесняется борьбой за "длинный доллар".

Величина финансов террористических организаций по определению не поддается точной оценке. Л. Наполеони оценивает ее в 500 млрд. долл., включая в нее все виды их доходов (в том числе от легальных предприятий) [Napoleoni, 2005]. Конечно, эту оценку надо воспринимать как весьма приблизительную и, вероятно, завышенную⁹. Более точно аналитики могут оценить масштабы финансирования отдельных террористических организаций.

В 1990-е гг. годовой бюджет Движения освобождения Палестины, имеющего боевую организацию ФАТХ, составлял 8 - 14 млрд. долл., что превышало ВВП Йемена или Бахрейна [Napoleoni, 2005; Хорос, 2002, с. 48]. Такое обильное финансирование объясняется во многом тем, что в 1993 г. ФАТХ официально отказалось от нелегальной вооруженной борьбы против Израиля, в связи с этим Госдепартамент США исключил его из ре-

⁹ По другим оценкам, ежегодные совокупные расходы в сфере террора составляют 5 - 20 млрд. долл. [Долгова, 2005, с. 7].

гистра террористических организаций, хотя израильтяне не склонны верить в такое изменение позиций.

Находящиеся на полностью нелегальном положении террористические организации имеют более скромные доходы. Тот же самый ФАТХ в 1980-е гг., когда эта палестинская организация считалась террористической, имел ежегодный доход примерно 400 млн. долл. [Kiser, 2005]. Что касается современных исламских террористических организаций, то на начало 2000-х гг. бюджет знаменитой Аль-Каиды (1,5 - 3 тыс. членов) составлял примерно 20 - 50 млн. долл., ХАМАС (1 тыс. членов) - 10 млн. долл., Хизболла - 50 млн. долл. [Schneider, 2002].

Модели финансирования терроризма. По аналогии с региональными моделями экономики существуют и региональные модели финансирования терроризма - латиноамериканская, западноафриканская, западноевропейская, ближневосточная, и т.д. Сравнивая их, можно выделить *четыре уровня систем финансирования террористических организаций* - от сбора средств для подпольных групп до организации экономики фактически независимых территориальных образований криминального толка.

Первый (высший) уровень - *модель террористического финансирования административно институционализированной "серой зоны"*, как в Чечне 1990-х гг. Термином "серая зона" обозначают регионы на территории международно признанных государств, которые либо вообще не контролируются легальным правительством, либо контролируются им лишь частично (как то было, например, на Западной Украине конца 1940-х гг. в период бандеровского движения). Таких регионов в современном мире довольно много - Курдистан в Турции, Нагорный Карабах в Азербайджане, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, север Шри-Ланки, восток Конго, юг и запад Колумбии, и т.д. [Арас, 2003, с. 648].

Среди "серых зон" можно выделить два типа: либо оппозиционные организации создают в "серой зоне" альтернативную административную систему (как в Абхазии), либо территория становится полем непрерывных партизанских и антипартизанских действий (как в Колумбии). Первая ситуация обычно предполагает стремление оппозиционной власти добиться легализации нового государственного образования, несовместимого с террористической деятельностью. Именно такова, например, современная ситуация в Абхазии и Нагорном Карабахе, на территории которых активно развиваются теневые экономические промыслы (прежде всего, контрабанда), но не наблюдается активных действий, терроризирующих государство-противника.

Совсем иное положение характерно для Чечни 1990-х гг. Хотя чеченские сепаратисты декларировали стремление создать нормальное независимое государство, его финансирование имело ярко выраженные черты бандитско-террористической деятельности. К настоящему времени в литературе хорошо освещен вопрос об источниках доходов чеченских "борцов за независимость" в 1992 - 1999 гг., когда "Чечня превратилась в криминальный "заповедник", живущий на основе воровства, контрабанды, незаконной торговли оружием и наркотиками" [Косиков, Косикова, 2000].

Уже при Д. Дудаеве из Чечни ежегодно нелегально вывозилось нефтепродуктов на 2 - 3 млн. долл. С августа 1996 г. по Чечне прокатилась "дикая" приватизация: отдельные "приватизаторы" и вооруженные группы самовольно и фактически бесплатно захватывали нефтяные скважины, промышленные предприятия и т.д. Возникшие частные предприятия, основанные на воровстве сырья, стали основой экономики Чечни. После первой чеченской войны нефтедобыча вообще постепенно вышла из-под контроля государства и к 1999 г. полностью перешла в руки "теневиков", связанных с полусамостоятельными полевыми командирами. Во время второй чеченской войны пришлось демонтировать более 3 тыс. нелегальных нефтезаводов, обеспечивающих финансами местных "бигменов".

Еще до первой чеченской войны действовала система крупных хищений централизованных бюджетных средств, проходящих через российские и чеченские банки. В 1995 - 1996 гг. новым источником доходов стало разворовывание средств, выделяемых из бюджета "на восстановление Чечни". Из-за отсутствия финансовой отчетности о расходах-

нии этих средств точно не известна даже их величина (ее оценивают в интервале от 1,5 до 5,5 млрд. долл.), не говоря уже об их использовании.

Сверхдоходы от разворовывания бюджетных средств получали главным образом государственные административные и связанные с ними коммерческие структуры Чечни и России. Полусамостоятельные полевые командиры поступали проще: с 1996 г. почти все они наладили изготовление фальшивой валюты (за 1997 - 1999 гг. в Чечне было выпущено около 10 млрд. долл.).

Чечня стала базой около 100 организованных преступных группировок. Они не только грабили проходящие через республику поезда (лишь за 1993 - 1994 гг. на Грозненском отделении Северо-Кавказской железной дороги было разграблено около 1700 вагонов) и похищали людей, но и занимались рэкетом и финансовыми махинациями по всей России. Так, в 1999 г. Федеральная служба налоговой полиции выявила около 2 тыс. российских фирм и коммерческих банков, которые либо платили "дань" чеченскому криминалитету, либо проводили в его пользу незаконные банковские операции.

Таким образом, Чеченская республика в 1992 - 1999 гг. была "свободной криминальной зоной", выпавшей из-под контроля правительства России и специализировавшейся на криминальных промыслах, создающих угрозу национальной экономической безопасности. Чеченская модель финансирования терроризма демонстрирует наивысший уровень развития данного института. Она уникальна, поскольку ни одна страна современного мира, кроме России 1990-х гг., не допускала длительного существования на своей территории откровенно криминально-деструктивного государственного образования. Единственная близкая аналогия - автономная зона в Колумбии, официально предоставленная правительством для повстанческой организации FARC в 1998 г. на период мирных переговоров и отмененная в 2002 г. Более отдаленной аналогией может быть Палестинская автономия 2000-х гг., имеющая официальный административный статус, но продолжающаяся оставаться для Израиля "рассадником терроризма". Наконец, возможны отдаленные параллели с ситуацией в Абхазии и Южной Осетии - "серых зонах" Грузии [От экономики... 2004, гл. 4].

Второй уровень - *модель террористического финансирования партизанской "серой зоны"* [Suarez, 2000]. Пример тому - Колумбия 1980 - 2000-х гг. Сейчас там действуют две основные повстанческо-террористические организации леворадикального толка - "Революционные вооруженные силы Колумбии" (FARC/PBCK) и "Национальная армия освобождения" (ELN/HAO). Начавшие партизанскую деятельность еще в 1960-е гг., в 1980-е гг. они перешли от точечных ударов к борьбе за контроль над территориями. Ныне их ряды насчитывают около 25 тыс. бойцов, что примерно соответствует численности профессионального контингента колумбийской армии. Повстанцы контролируют временами около 40% территории страны (в основном труднодоступные сельские районы).

Помимо регулярной армии и левых партизан в стране действуют правые террористические организации, частные "эскадроны смерти" и вооруженные отряды наркокартелей. Колумбия превратилась в арену вялотекущей гражданской войны, где все воюют со всеми, а центральное правительство контролирует менее половины национальной территории. Ежегодно в стране гибнет несколько тысяч человек, причем две трети из них - гражданское население. Доходы повстанцев Колумбии оценивают в 600 млн. долл. в год, из которой около 360 млн. долл. приходится на PBCK. Эти показатели ставят их по уровню доходов в один ряд с крупнейшими корпорациями Колумбии.

С начала 1980-х гг. партизаны систематически собирают "дань" с наиболее процветающих сфер экономики Колумбии: сейчас едва ли не все ее крупные экономические субъекты выплачивают повстанцам-рэкетирам нелегальные налоги за безопасность своей деятельности. В Законе N 002 "О налогообложении", принятом Пленумом Центрального Штаба PBCK в марте 2000 г., формально фиксирован так называемый налог на мир "с тех физических и юридических лиц, чье имущество превышает сумму в 1 млн. долларов" (http://www.farc.narod.ruAawsAaw_01.html). Отказ платить может закончиться похищением бизнесмена или членов его семьи. Впрочем, похищения, которым подвер-

Таблица 1 Структура доходов колумбийских повстанческих движений в 1990-е гг. (по оценке А. Суареса, в %)

Источники доходов	Доходы КРВС	Доходы НАО
Контроль за переправкой наркотиков	48	6
Вымогательство (рэкет)	36	60
Похищение людей	8	28
Кражи крупного рогатого скота	6	6
Прочие	2	-

Таблица 2 Бюджет Аль-Каиды на 1999 - 2001 гг. (по оценке Ф. Шнайдера, в %)

Источники доходов	Доля в совокупных доходах
Наркобизнес	30 - 35
Поступления от внешних спонсоров (государств, религиозных групп или отдельных лиц)	25 - 30
Классическая криминальная деятельность (похищение людей и др.)	10 - 15
Нелегальная торговля алмазами	10 - 15
Прочие источники (легальные и нелегальные)	5 - 25

гаются ежегодно сотни людей, не обязательно связаны с неуплатой налогов, это еще и самостоятельный источник доходов. Сегодня на Колумбию приходится около половины всех похищений людей в мире.

Колумбийские повстанцы активно пополняют свой бюджет за счет контроля за выращиванием, производством и переправкой наркотиков - кокаина и героина. На "освобожденных" территориях наркоторговцы открыто занимаются своим бизнесом, выплачивая "революционерам" налоги за покровительство. В 2000-е гг. левые партизаны начали переходить от налогообложения наркобизнеса к активному участию в нем, создавая собственные лаборатории по переработке сырья и собственные каналы экспорта готового "товара". Примерная структура доходов колумбийских левых террористов показана в таблице 1.

Колумбийская модель финансирования терроризма встречается и в ряде других регионов планеты. Например, Курдская рабочая партия, ведущая с середины 1980-х гг. вооруженную борьбу за создание независимого Курдистана на юго-востоке Турции, также получает основные доходы от незаконного "налога" с населения зоны партизанских действий и от участия в незаконном обороте героина. Похожая ситуация наблюдалась в Анголе и Конго (где главный доход антигосударственных группировок - контрабанда полезных ископаемых, добываемых в контролируемых этими группировками районах), в Мьянме (где сепаратисты контролировали районы выращивания опиума).

Третий уровень представлен моделью финансирования подпольных террористических организаций с сильными внешними связями.

Классический пример здесь - Аль-Каида, ставшая после 11 сентября 2001 г. символом наиболее экстремистского международного терроризма. Оценки Ф. Шнайдера показывают, что из 20 - 50 млн. долл. ежегодного притока финансовых ресурсов данной организации не менее 50 - 65% приходится на доходы от откровенно криминальных видов деятельности (контрабанда наркотиков и алмазов, киднепинг и др.), которыми занимаются и чисто мафиозные организации (см. табл. 2) [Schneider, 2002]. Значительная часть финансовых ресурсов, однако, поступает к Аль-Каиде из легальных источников (пожертвования исламских организаций).

Таблица 3

Бюджет чеченских террористических группировок в начале 2000-х гг. (по оценке Л. Л. Фитуни, в %)

Источники доходов	Доля в совокупных доходах
Внутренние сборы в Чечне	6
Поступления от внешних спонсоров - исламских государств дальнего зарубежья	7 - 8
Поступления от внешних спонсоров - неправительственных и благотворительных организаций	9
Поступления от криминальных структур Северного Кавказа	8 - 16
Поступления от подконтрольных чеченскому криминалитету фирм в других регионах России	15
Поступления от исламистских экстремистских и террористических организаций	45 - 51

Несколько иная ситуация с финансированием чеченского терроризма 2000-х гг. (см. [Лунеев, 2005, с. 649 - 650; Паненков, 2005]). Хотя в самой Чечне боевики берут поборы с местных жителей (по утверждению СМИ, в каждом селе есть казначей террористов), но в разоренном регионе нельзя найти крупные финансовые ресурсы. Поэтому чеченский терроризм финансово зависит от российской чеченской диаспоры (прежде всего, от чеченского криминала) и от зарубежных спонсоров.

Оценки общей величины ежегодного бюджета чеченских террористов варьируются на порядок - от 30 млн¹⁰ до 300 млн. долл. Что касается размеров отдельных статей доходов, то Л. Фитуни, обобщив информацию из открытых источников, пришел к выводу, что общая величина доходов террористов составляла в начале 2000-х гг. 95 - 110 млн. долл., из них большая часть (примерно 50 млн) была получена от исламистских экстремистских и террористических организаций, включая Аль-Каиду (см. [Зайцев, Городецкий, Илюхина, 2006, с. 128]).

Спецификой финансирования чеченского терроризма являются высокие поступления от чеченского криминалитета. Миграция чеченцев из стремительно беднеющей Чечни в другие регионы России в 1990-е гг. привела во многих регионах России к росту чеченской мафии, поддерживающей тесные контакты с чеченскими террористами (часто по принципу "сообщающихся сосудов"). О спонсорских возможностях чеченской мафии говорит тот факт, что, по некоторым оценкам, ежегодный доход чеченских организованных преступных группировок в России начала 2000-х гг. составлял примерно 3,6 млрд. долл. (из них треть - от контроля за торговлей нефтью) [Мухин, 2003, с. 142].

Поступление средств чеченским террористам от зарубежных спонсоров облегчается тем, что даже в развитых странах Запада нет единой позиции по поводу того, следует ли считать чеченских сепаратистов террористами или "борцами за независимость". По соображениям геоэкономического соперничества, "исламской солидарности" или "политической корректности" во многих странах разрешен вполне легальный сбор средств для чеченских оппозиционных политических организаций (часто под ширмой гуманитарной помощи Чечне).

Такая оценка прозвучала на межведомственной научно-практической конференции "Совершенствование оперативно-служебной деятельности органов безопасности и органов внутренних дел по противодействию финансированию терроризма и экстремизма и их взаимодействия", прошедшей в Москве в июне 2005 г. Интересно, что когда в ноябре 2006 г. удалось ликвидировать иорданского террориста Абу Хавса, который считался главным распорядителем финансовых потоков к террористам от зарубежных спонсоров "джихада", то захваченные при нем "бухгалтерские ведомости" показали, что потоки эти были не очень полноводными - так, в 2006 г. общая сумма поступлений от зарубежных спонсоров составила только 340 тыс. долл.

Модель финансирования терроризма, схожая с ситуацией в современной Чечне, типична для исламских террористических организаций, а также для националистических террористических организаций, борющихся за "национальную независимость" народов с крупной зарубежной диаспорой. К последней категории относятся, например, цейлонские "Тигры освобождения Тамил Илама", получающие основные финансовые ресурсы за счет "добровольных" пожертвований тамиллов, живущих за пределами Шри-Ланки, и испанская ЭТА, активно собирающая пожертвования среди басков Франции.

Четвертый (низший) уровень - это *модель финансирования подпольных террористических организаций со слабыми внешними связями*. Лишившись финансирования извне, террористы переключаются на эксплуатацию местной теневой экономической деятельности, максимально сближаясь с чисто мафиозными организациями. Именно по этому пути шла Временная Ирландская республиканская армия в 1990 - 2000-х гг. в последний период своей деятельности (см., например, [Организованная... 2004]).

К 1990-м гг., почти потеряв внешние источники доходов (от Ливии и от ирландской диаспоры в США), ирландские террористы сосредоточились на поиске финансовых источников в самой Северной Ирландии. Этому способствовало то, что и ранее боевики ИРА активно использовали чисто криминальные источники доходов (рэклет, кража автомобилей, грабежи, киднепинг и др.), рассматривая их, правда, как подсобные. Теперь они стали основными.

Эксперты писали в начале 2000-х гг., что ИРА "стала главным игроком в мире организованной преступности, хотя она еще верит, что ее политические цели остаются первостепенными" [Срастание... 2003, с. 16]. Эта террористическая организация создала диверсифицированную криминальную экономику. Криминальными промыслами, от которых ИРА получала доход, были контрабанда топлива и сигарет, торговля фальсифицированными товарами (прежде всего, видеопиратство), кражи ценных грузов. Членам ИРА приписывают ограбление банка в Белфасте в декабре 2004 г.: кража в 50 млн. долл. стала крупнейшей в истории Великобритании. Традиционный для мафии рэклет был организован ИРА с двумя отличительными особенностями: во-первых, сбор "налогов" с обычных граждан проходил под видом помощи заключенным боевикам и членам их семей; во-вторых, боевики ИРА обложили "налогом" в контролируемых ими районах все чисто криминальные группировки, создав иерархическую пирамиду рэклет-бизнеса.

Криминализация ИРА сопровождалась сокращением собственно террористической деятельности. Поскольку одновременно с католической ИРА схожую трансформацию осуществили протестантские террористические организации Северной Ирландии, бывшие "смертельные враги" начали сотрудничать в криминальных промыслах. Осуществленное в сентябре 2005 г. разоружение Временной ИРА не вызвало среди членов этой организации заметного протеста, поскольку они уже десятилетие "отучались" от "нормальной" террористической деятельности. Теперь правоохранительным органам Северной Ирландии придется затратить немало сил на искоренение "новой" ирландской мафии, в которую, по существу, превратились экс-террористы.

Мафиозная трансформация Временной ИРА, приведшая к ее фактической самоликвидации как террористической организации, демонстрирует, вероятно, наилучший с точки зрения общества исход эволюции подпольных террористических организаций. Однако мафиозизация терроризма не обязательно ведет к прекращению террора. Например, теракты в Испании 11 марта 2004 г. осуществили близкие к Аль-Каиде группировки, члены которых добывали финансовые средства, участвуя в наркоторговле. История албанской Армии освобождения Косова и Исламского движения Узбекистана показывает, что их активное вовлечение в наркоторговлю, наоборот, подстегивает стремление к поддержанию политической нестабильности, в которой легче организовывать наркотрафик. Да и в Северной Ирландии разоружились отнюдь не все террористические организации.

Информация о финансах ИРА показывает, что добывание финансовых ресурсов с помощью чисто криминальных промыслов может дать достаточно средств для организации крупных терактов. Для сравнения вспомним, что операция в Беслане в 2004 г. обошлась террористам, по их заявлению (возможно, недостоверному), всего в 8 тыс. ев-

Таблица 4 Модели финансирования терроризма

Характеристики	Модель N 1: административно институционализируемая "серая зона"	Модель N 2: партизанская "серая зона"	Модель N 3: подпольная организация с сильными внешними связями	Модель N 4: подпольная организация со слабыми внешними связями
Примеры	Чеченская республика 1992 - 1999 гг., автономная зона в Колумбии 1998 - 2002 гг.	РВСК и НАО в Колумбии с 1980-х гг., Курдская рабочая партия в Турции с 1980-х гг.	Аль-Каида с 1990-х гг., чеченские террористы после 1999 г.	ИРА в Северной Ирландии 1990 - 2000-х гг.
Основные источники доходов	Хищение ресурсов (Чечня), контрабанда наркотиков (Колумбия, Афганистан)	Контрабанда наркотиков и иных товаров, "налоги" с населения	Спонсорство диаспоры и религиозных организаций	Местная теневая экономика (контрабанда, торговое пиратство, рэкет, грабежи)
Примерный объем ежегодных доходов (долл.)	До нескольких миллиардов	600 млн. (Колумбия), не менее 300 млн. (Курдская рабочая партия)	От 20 - 50 млн. (Аль-Каида), 90 - 270 млн. (Чечня)	До 10 млн
Численность террористов	Около 40 тыс. (вооруженные формирования Чечни в 1994 г.)	10 - 15 тыс. (Курдская рабочая партия), 20 - 25 тыс. ("наркопартизаны" Колумбии)	1 - 8 тыс. (Чечня 2000-х гг.)	До 500 тыс.

ро [Лунеев, 2005, с. 638]; знаменитый теракт 11 сентября 2001 г. стоил ее организаторам, по оценкам экспертов, каких-нибудь 0,5 млн. долл. [Степанова, 2005, с. 251].

Результаты аналитической типологизации моделей финансирования терроризма представлены в таблице 4, где модели перечислены по степени убывания их финансовых возможностей. Конечно, эта типология представляет наиболее "чистые" типы, в реальности часто встречаются промежуточные модификации.

Выводы и рекомендации для России по борьбе с финансированием терроризма. Хотя международное законодательство в сфере борьбы с терроризмом активно развивается с 1970-х гг., на борьбу с финансированием терроризма особое внимание стали обращать лишь в 1990-е гг. Это можно объяснить тем, что именно в этот период началась его коммерциализация, в результате чего выросла его чувствительность к притоку финансовых ресурсов.

Главным событием в организации международной борьбы с финансированием терроризма стала Конвенция о борьбе с финансированием терроризма, одобренная 9 декабря 1999 г. Генеральной Ассамблеей ООН и вступившая в силу в апреле 2002 г. Позже она была дополнена принятым в 2000 г. в Оттаве Международным соглашением о воспрещении доступа террористических организаций к источникам финансирования и принятой в 2001 г. в Нью-Йорке резолюцией 1373 Совета Безопасности ООН о запрещении финансирования и любых форм контактов с террористическими организациями. Конечно, и после этого в правовом поле оставались "дыры", а в некоторых странах Конвенция трактуется весьма вольно, чем пользуются террористы.

Практической деятельностью по пресечению финансирования терроризма занимаются специальные правоохранительные службы - как международные (прежде всего,

FATF - Financial Action Task Force), так и национальные (например, в США FTATC - Foreign Terrorist Asset Tracking Centre). В России эту работу ведет Финансовая служба по финансовому мониторингу - Росфинмониторинг.

Национальное законодательство России также признает большое значение борьбы с финансированием терроризма. Это направление антитеррористической деятельности нашло отражение, например, в ратификации Россией международной Конвенции о борьбе с финансированием терроризма. Однако в Федеральных законах "О борьбе с терроризмом" (1998 г.) и "О противодействии терроризму" (2006 г.) борьба с финансированием терроризма не детализирована. В первом из упомянутых законов в понятие террористической деятельности включалось "финансирование заведомо террористической организации или террористической группы" (ст. 3) без уточнения, что считать "заведомо". Во втором - в трактовке финансирования терроризма сделан даже шаг назад: здесь при определении терроризма говорится: "террористическая деятельность - деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, *финансирование* (курсив мой. - ЮЛ.) и реализацию террористического акта...". Определение, что именно считать финансированием теракта, отсутствует. Из неясных соображений сужено понимание финансирования терроризма: из понятия террористической деятельности исключена ситуация, когда спонсор финансирует не конкретный теракт, а террористическую организацию как таковую.

Обобщая анализ финансирования терроризма, можно сформулировать следующие практические рекомендации для России. Во-первых, для эффективной борьбы необходимо отслеживать хотя бы в общих чертах структуру притока финансовых ресурсов к чеченским террористам, чтобы концентрировать удары по самым главным потокам, оставляя временно в стороне более мелкие "ручейки". Во-вторых, для сокращения притока финансов из стран Запада необходимо активно популяризировать в западных СМИ информацию о чеченском терроризме как элементе международного исламского терроризма, ломая имидж чеченских сепаратистов как "борцов за независимость" и добиваясь внесения их организаций в международные списки террористических организаций, чье финансирование строго запрещено.

В-третьих, для сокращения притока финансов из стран Востока следует вести работу с чеченской диаспорой и с мусульманскими государствами, добиваясь создания легальных, прозрачных для контроля каналов сбора пожертвований на нужды чеченского населения и мусульман России. В-четвертых, в долгосрочной перспективе важнейшим методом борьбы с финансированием терроризма должна стать борьба с теневой экономикой Чечни как питательной средой финансирования терроризма. В-пятых, ввиду приоритетной важности борьбы с финансированием терроризма в системе антитеррористических мероприятий целесообразно внести в Федеральный закон "О противодействии терроризму" специальный раздел, посвященный борьбе с финансированием терроризма, либо даже принять специальный Федеральный закон "О борьбе с финансированием терроризма", введя в него расширенную трактовку этого понятия (финансирование не только конкретного теракта, но и организации, признанной террористической).

Совершенствуя борьбу с финансированием чеченского терроризма, необходимо четко осознавать границы возможностей этого направления антитеррористической деятельности. Даже если удастся добиться, как максимум, его эволюции от модели третьего уровня к четвертому, это не обязательно приведет к быстрому сокращению масштабов террора и тем более не обязательно приведет к уменьшению потерь от него. Уменьшение финансирования, конечно, приведет к сокращению террора, но со значительной задержкой во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арас Д. Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М., 2003.

Бальский Р. Теракт как товар // Газета журналистских расследований. 2004. Октябрь N 6 (<http://www.compomat.ru/main/mix/terakttovar.htm>).

- Воронов Ю. П.* Экономические функции терроризма // Экономика и организация промышленного производства. 2002. N 1
(http://econom.nsc.ru/eco/Arhiv/content/%5CReadStatiy%5C2002_01%5CVoronov2.htm).
- Горяинов С.* Деньги террора. Кто оплатил Беслан? М., 2005.
- Долгова А. И.* Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ним. М., 2005.
- Жаворонков С., Яновский К., Шульгин С., Затковецкий И., Ротенберг В.* Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. М., 2005 (<http://www.iet.ru/publication.php7folder-id=44&category-id=116&pulication-id=4326>).
- Зайцев В. А., Городецкий А. Е., Илюхина Р. В.* Финансирование терроризма и противодействие этому процессу // Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом. М., 2006.
- Косиков И. Г., Косикова Л. С.* Чеченская республика: итоги и проблемы постсоветской социально-экономической эволюции // Российский экономический журнал. 2000. N 8, 10.
- Лунеев В. В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.
- Мухин А. А.* Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М., 2003.
- Организованная преступность и финансирование терроризма в Северной Ирландии // Борьба с преступностью за рубежом.* 2004. N 2.
- От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе. СПб., 2004.
- Паненков А. А.* Финансирование организованных преступных формирований в Чеченской республике и проблемы его пресечения // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ним. М., 2005.
- Погорельский А.* Бизнес вокруг террора // Прогнозис. 2006. N 1.
- Сото Э. де.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995.
- Срастание террористических и повстанческих группировок с организованной преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. 2003. N 3.
- Степанова Е. А.* Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005.
- Хорос В.* "Крона", "корни" и "климат" терроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2002. N 3.
- Abadie A.* Poverty, Political Freedom and the Roots of Terrorism (2004) // <http://ksghome.harvard.edu/~aabadie/povterr.pdf>.
- Anderton Ch.H., Cross H.* Applying Intermediate Microeconomics to Terrorism (2004) // http://www.holycross.edu/departments/economics/RePEc/Anderton_Terrorism.pdf.
- Enders W., Sandler T.* The Political Economy of Terrorism. New York, 2006.
- Frey B.C.* Dealing With Terrorism: Stick or Carrot. Elgar Publishers. 2004.
- Freytag A., Kruger J., Schneider F.* The Origins of Terrorism. Cross-Country Estimates with Discrete Choice and Count Data Methods (2006) // <http://www.econ.jku.at/Schneider/TerrorPaperJanuar06.pdf>.
- Glaeser E.G.* The Political Economy of Hatred // Quarterly Journal of Economic. 2005. N 120 (1) // <http://econ.tau.ac.il/papers/faculty/w9171.pdf>.
- Kiser S.* Financing Terror. An Analysis and Simulation to Affect Al Qaeda's Financial Infrastructures. RAND. 2005 // http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/2005/RAND_RGSD185.pdf.
- Labeviere R.* Les dollars de la terreur: Les Etats-Unis et les islamistes. Paris, 1999.
- Landes W.M.* An Economic Study of US Aircraft Hijackings 1961 - 1976 // Journal of Law and Economics. 1978. N 2.
- Napoleoni L.* Money and Terrorism // Economist. January 2005 // <http://www.fride.org/eng/Publications/publication.aspx?item=686>.
- Rubin P.H.* The Economics of Crime // The Economics of Crime. Cambridge (Mass.), 1980.
- Sandler T., Enders W.* An Economic Perspective on Transnational Terrorism // European Journal of Political Economy. 2004. Vol. 20.
- Schneider F.* The Hidden Financial Flows of Islamic Terrorist Organisations: Some Preliminary Results from an Economic Perspective (2002) // <http://www.econ.jku.at/Schneider/financeterror.PDF>.
- Soto H. de., Abbott J.* The Other Path: The Economic Answer to Terrorism. Perseus Books Group. 2002.
- Suarez A.R.* Parasites and Predators: Guerrillas and the Insurrection Economy of Columbia // Journal of International Affairs. 2000. Vol. 53. N 2.